

ТАЙНА РУССКОГО БЕССМЕРТИЯ

Читая поэму Александра Проханова «Ангел Новоросс»

УНАС в Борисоглебском раю пять дорог. Каждый день мы катаемся по ним. Красота неописуемая! Частенько восклицаем от избытка чувств: "Господи, нет ничего прекраснее нашей среднерусской полосы!" Но в последние годы чаще всего предпочитаем дорогу до деревни Ляхово. Не только из-за хорошего асфальта. Там, когда началась СВО, какой-то парень написал белым спреем прямо на асфальте, недалеко от поворота на Опальнево, метровыми буквами: "Жди меня, и я вернусь". Нас с женой так порадовала эта великая строчка Константина Симонова на русской дороге! С этой строчкой мы восемьдесят лет назад дошли до Берлина. Значит, и сегодня победим, коли её помним. Месяца через три краску смыло дождями, затёрло колёсами машин, но мы, проезжая поворот на Опальнево, всегда теперь вспоминаем этого парня и молимся: "Господи, спаси и сохрани его и всех наших воинов, воюющих на Украине".

А возле села Спас-Подгорье на лугу пасёт свои тринадцать коз Михаил, клирошанин храма Преображения Господня, такой же патриот России, как мы с женой. В его корзине на багажнике велосипеда или в сумке частенько лежит одна из самых русских газет — "Завтра" Александра Проханова — и... мои книги. Мы обязательно ему бикаем, и козы сразу сбегаются к своему пастуху. Он радостно машет нам в ответ.

В большой деревне Инальцино живут двое наших добрых знакомых — Саша Белов и Алёша Степанов. Познакомились мы так. Над дровяным сараем крайнего дома много лет развевается большой синий флаг с жёлтыми буквами ЛДПР. Я отшошусь к Владимиру Жириновскому с почтением. Великий русский человек, несомненно. На нашей памяти два раза древко ломало ветром, но вскоре флаг снова реял над округой. Однажды древко опять сломало, и на этот раз долго-долго на месте флага зияла грустная пуста. Я забеспокоился: "Неужели что-то с хозяином случилось?" Однажды увидел его, остановил машину. На мой вопрос: "Когда флаг водрузишь?" — знаменосец счастливо заулыбался и ответил: "Никак древка подходящего не найду". Через несколько дней синий флаг с жёлтыми буквами ЛДПР победно развевался над дровяным сараем. С тех пор я Саше Белову бикаю, и он машет мне; а когда он прочитал мою книгу, то радостно замахал сразу аж двумя поленьями. Он как раз колол дрова. В общем, теперь перекликаемся с ним. Если обе руки свободны, Саша машет обеими. Как я понимаю: в знак особого уважения.

Однажды возле Ляхова мы с женой вышли из машины пройтись. Проезжает незнакомый пожилой мужчина на велосипеде и спрашивает: "У вас что-то случилось? Помощь нужна?" Конечно, мы запомнили такого доброго человека и при следующей встрече не только поздоровались, но и представились ему. Алёша Степанов — так он назвался — спросил: "В ваших местах верба растёт?" В Борисоглебе традиционную зелёную вербу почему-то считают ненастоящей. Дескать, настоящая — она красностольная, почти бордовая. Поэтому вопрос нас не удивил: ненастоящая — она везде в наших местах есть, а настоящая — редко где. Мы сразу поняли, почему он про вербу спросил: скоро было Вербное воскресенье. Ответили: "Нет, не растёт". Лёша пояснил: "На остановке возле Инальцина я поставил ведро с вербой, а рядом положил большие ветки. Их надо посадить, где земля посуше". На обратном пути мы взяли из Алёшиного ведра охапку красностольной, настоящей вербы и три ветки. Одну отдали соседке Наташе, а две посадили под окнами. Каждый раз, выходя со двора, крестим их, ласково называем нашим красноталом и, конечно, с благодарностью вспоминаем Алёшу Степанова из деревни Инальцино. Вспоминаем каждый день, словно близкого человека. Да он и есть близкий. Его краснотал (настоящая верба) растёт у нас под окнами. И прижился: листочки зелёные на обоих прутиках распустились.

В деревне Ляхово лет семь назад в День пограничника, 28 мая, мы увидели из машины пожилого мужчину в зелёной фуражке. Пограничников в России называют "зелёными фуражками". А я — морской пограничник; нам и зелёные фуражки, и чёрные бескозырки родны. Конечно, я обрадовался, увидав своего. Сказал Марише: "На обратном пути обязательно поздравлю!". Но фуражка зелёная куда-то исчезла. Через несколько дней я всё же его увидел — мужчина сидел на лавочке возле своего дома. Рассказал ему, что я морской пограничник, что служил на корабле на Камчатке, а он, оказывается, охранял границу на другом конце Советского Союза, в Карелии... С того дня этому мужчине, Саше Пелевину, я тоже сигналю, часто останавливаюсь, разговариваю о жизни.

Конечно, много ещё с кем мы встречаемся на нашей Ляховской дороге. С тремя коровами, пасущимися на околоте Инальцина. Коровы в деревнях почти перевелись, поэтому из коровья троика для нас такая радость. Попадались нам лоси, лисы, глухарь, сидящий на опушке леса. Глухарь потом куда-то исчез, и я грустно обронил: "Прибрали, наверное? А может, перебрался к себе в глушь леса, там теперь тоже много чего можно съест". Как-то раз наш друг, председатель колхоза Борис Михайлович Ковалов, когда мы попечалились, что перестали встречать на дорогах лосей, виновато-смущённо тихим голосом ответил: "Прибрали, наверное". Вот и мы с женой, когда долго не встречаем каких-то зверьков, виновато-смущённо говорим: "Прибрали, наверное". Но, веря в хорошее, добавляем: "А может, в глушь леса ушли — подальше от лихих людей".

На этот раз никого из знакомых на Ляховской дороге не встретили, никому не посигналили, но радость получили вдвойне. Когда вышли пройтись неподалёку от Ляхова, навстречу ехала на велосипеде девушка. Я шёл впереди жены, и девушка, поравнявшись со мной, улыбнулась так лучезарно и поздоровалась. Я потом спросил Маришу: "С тобой тоже поздоровалась?" Жена подтвердила, что с ней тоже поздоровались и что улыбка у девушки сияющая. Ведь мы с женой так давно живём вместе, что часто думаем и видим одинаково. Пора бы уж к этому привыкнуть, но я радуюсь: моя половина тоже увидела, что улыбка у девушки искренняя и светлая. И ещё я обрадовался: значит, не с писателем Щербаковым поздоровалась (меня в Борисоглебском раю многие знают, читают и любят), а просто она хорошая русская девушка, которая старших уважает. Жена же опять, как говорит, сняла с языка: "Наверное, она из Прудии!". Там как-то поздоровался с нами незнакомый парень-велосипедист, и я потом мечтал с ним встретиться и подарить свою книгу. Такому человеку она бы пригодилась, принесла бы пользу.

Впоследствии, встречая на дороге молодых велосипедистов, здоровающихся с нами, мы в один голос шутили: "Наверное, из Прудии..."

В общем, настроение у нас от лучезарной улыбки девушки из Прудии поднялось. Прогулявшись,

мы сели в машину, и Мариша включила телефон: "Саша (Проханов) новую поэму прислал — "Ангел Новоросс". Из-за войны интернет у нас в деревне редкость, и я предложил: "Прочитай здесь". Люблю военные стихи Александра Проханова. Жена начала:

*Надербная молитва горяча.
Из купола рыдает Саваоф.
Над каждым гробом тонкая свеча.
А в тех гробах герои СВО.*

*Пришли к гробам проститься старики.
Внукок из гроба: "Ты прости, дедуш.
Мы бой вели у сумрачной реки.
Был суший ад. Я там погиб за Русь".*

Словно перекликнулся Проханов с Твардовским, с Симоновым. И ещё вдова спрашивает мужа: "Ты помнишь, Коля, как цела сирень?" И ещё будто из советской классики: "Вставай, солдат, пройдишь парадным строем, / И пусть тебе невеста улыбнётся".

Детей учитель в храм привёл, пришёл проститься президент. И вдруг:

*Метельным вихрем распахнулась дверь,
И в храм явился Ангел Новоросс.*

Явился неведомый нам доселе Ангел, чтобы "солдат из смерти воскресить".

*Звезда вглядит в церковное окошко,
В деяние Ангел светел и упорен.
Освом наполнил хлебное лукошко
И сыплет на гробы пригоршни зёрен...*

*В хлебах перепелов ночное пенье.
Роса под утро ярче перламутра.
В любом зерне таится воскрешенье,
И в каждом дышит Божия премудрость.*

Ангел сыплет на гробы наших воинов пригоршни зёрен. И вдруг увидел я душевными очами

памятник на могиле Фёдора Михайловича Достоевского в Александров-Невской лавре с высеченными на нём евангельскими глаголами: "Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, пав на землю, не умрёт, то останется одно, а если умрёт, то принесёт много плода". И тут Фёдор Михайлович не о смерти, а о жизни говорит. Невольно на его могиле вспоминаешь апостола Павла: "Смерть! Где твоё жало? Ад! Где твоя победа?" И за строками поэмы "Ангел Новоросс" я услышал рефрен: "Смерть! Где твоё жало?"

*Благословенный край, очей отрада,
Во избавленье гибельных уезроз
Посланцем из Божественного града
К тебе приставлен Ангел Новоросс.*

У каждого престола в православных храмах есть свой Ангел-Хранитель. Ангел престола. Поэт говорит нам о том, что Новороссия — наш главный престол, и потому Бог приставил к нему Ангела Новоросса, которого мы доселе не знали. Престол, на котором совершается великое, непостижимое уму человеческому Таинство, на котором вся Россия преобразается в Новороссию. Только здесь, на этом престоле, Россия может стягнуть с себя сонную, мёртвую одурь, морок либеральной демократии. Конечно, не просто так, а промыслительно назвали наши мудрые, прозорливые предки Донбасс Новороссией. Они знали: тут будет главный престол России в предпоследние времена.

Мариша читала:

*То были песни из далёких далей.
Счастливы свадьбы, звонки величаний.
То вдовы неутешные рыдали,
То на закате лебеди кричали.*

Пахнуло из далёких далей чудным слогом "Слова о полку Игореве". Отсюда берёт начало поэма Александра Проханова. Он тоже пишет Слово — "Слово о полку Владимирове". Здесь его исток. Исток его и в озере, куда укрылся от врагов сказочный град Китеж.

*Они звучат из озера лесного,
Куда укрылся град, лучист и волен.
По берегам, среди лесов сосновых
Услышит путник звоны колоколен.*

Поэт слышит колокольный звон града Китежа... Он жаждет так сказать про Ангела Новоросса, чтобы все услышали, как кричат лебеди в "Слове о полку Игореве", как звонят колокола града Китежа: "Вставайте, люди русские, на смертный бой, последний бой!"

Ангел Новоросс продолжает свои деяния:

*Он застилал умерших рушниками.
На полотенцах проступали лица.
Те лица Ангел вышивал шелками.
И холст преобразался в Плащаницу.*

Господь наш Иисус Христос вытер лицо полотенцем, и отпечатался на нём нерукотворный первообраз (икона) нашего Спасителя — "Спас Нерукотворный". А тут на полотенцах проступили лица защитников нашей России Православной. Отпечатались нерукотворные образы сынов России Христианской. Сынов Иисуса Христа. У них уже не лица, а образы, лики... Всё у них уже другое, нерукотворное.

*И ордена на их мундирах чистых
Сияли, как побед бессмертных веки.*

У них не просто ордена, у них — вехи бессмертных побед! Ангел продолжает священнодействовать:

*Так Ангел средь сражённых наповал
Кружил, исполнен нежности и ласки.
И, как цветы, их лица поливал
Живой водицей из пробитой каски.*

Какие потрясающе мощные образы! Лица воинов — цветы. Цветы Божьи. И пробитая каска у Проханова — не просто каска, а чаша, из которой поят живой водой бессмертия, причащают у главного престола России — в Новороссии. Так в храмах православных причащают из Чаши Телом и Кровью Христовыми. И становятся воины причастны жизни вечной... Встают в строй бессмертного полка Христова. Из пробитой каски бессмертием причащают.

*И Ангел к телу мёртвому принял.
"Я вас любил", — пропел ему на уху
И отошёл, и мёртвый штурмовик
Открыл глаза, ещё лишённый слуха.*

"Я вас любил" — слова Александра Сергеевича Пушкина. Это он разбудил уснувшего смертного сном воина. Такая сила чудотворственная в его слове!.. Александр Проханов до самозабвения, до сказки любит нашу русскую литературу. Ангел Новоросс у него:

*Лежащим во гробах читал он книги,
Им смертный холод лица цепенил.
Крылатый Ангел выше всех религий
Глаголы русских классиков ценил.*

*Читал, как люди котлован копали.
Читал роман про баснословный дар.
Как пехотинцы без вести пропали,
И как прекрасен солнечный удар.*

*Как Мастер обожал свою ведьмицу,
И блудный сын поднялся на отца.
Там мёдом пахнет каждая страница.
Полынный дух и запах чабреца.*

*И дивных слов волшебные потоки
Лились в гробы, творили чудеса.
И розовели мертвенные щёки.
И из гробов звучали голоса.*

Читал Ангел Новоросс спящим воинам "Котлован" Андрея Платонова, "Дар" Владимира Набокова, "Солнечный удар" Ивана Бунина, "Мастера и Маргариту" Михаила Булгакова, "Тараса Бульбу" Николая Гоголя... И воины просыпались, подавали голоса. Думаю, и наших советских классиков Ангел Новоросс мог читать воинам, лежавшим в ковчеге, а не в гробах поваленных. И Александра Твардовского, и Константина Симонова, и Фёдора Абрамова, и Василия Шукшина, и Василия Белова, и Николая Рубцова, и Валентина Распутина... Их слово, как и слово Александра Проханова, — тоже живая вода русская. Русский глагол не оплакивает, он оживляет. Об этом чуде воскрешения — сказка "Аленький цветочек". Уронила девушка слезинку на чудище — заколдованного доброго молодца, — и он вновь преобразился в прекрасного юношу. С детства и моя любимая сказка...

Александр Проханов в поэме объяснял с русскими, советскими классиками, с художниками. Так объяснял, что не разорвать, не разединить этих объятий крепких. А с русскими воинами он давно сроднился — на шестнадцати войнах побывал. Мой друг Евгений Юшин написал:

*Василий мерит синим взглядом
По стенам, на исходе дня,
Где чинно, со святыми рядом,
Расселась вся его родня.*

Усадил русских крестьян по чину, рядом со святыми. Тут их законное место. А Александр Проханов усадил по чину русских художников. Их место тоже рядом со святыми. Они своим словом чудеса творят... Ангел Новоросс читал их тексты над гробами, и воины откликались, подавали голоса... Наша художественная литература настолько крепко вошла в нашу жизнь, что трудно понять, где начинается вымысел, а где кончается жизнь. И наоборот.

Недавно позвонил московский знакомый (он учитель литературы): "Знаешь, где я сейчас стою? У могилы солдата, погибшего на СВО. Скажи мне, за что

он погиб? Я спросил своих учениц, правильно ли поступил Тарас Бульба, убив своего сына Андрия. Ни одна не смогла мне ответить. За что он его убил? За то, что девочку полюбил?" Тут уж терпение моё погнуло: "Он убил не за девочку, а за то, что тот Родину, веру православную предал, за то, что погубил многих своих товарищей по оружию. Тебе нельзя детей учить. Больше мне не звони!". Чтобы не метать бисер перед свиньями, убрал телефон подальше и вдруг вспомнил, что несколько месяцев назад этот человек прислал мне сообщение: "Я умер. Я мёртвый". Я даже с надеждой подумал: неужели монашеский постриг принял? Он никак в жизни не мог крепко встать на ноги: и семья не завёл до шестидесяти лет, и в учительстве всё у него как-то не получалось. Я иногда думал, чего зря я миру маюсь, в монахи бы ему. И не мог понять, почему одинокий здоровый мужик не уйдёт на войну. А он, оказывается, и вправду умер — не знает, за что Тарас Бульба сына убил... Сидит на могиле воина, сложившего голову за Родину, за веру православную, за други своя, и глумится, мол, ни за что ты погиб... Мёртвый сидит в ногах у живого. Это не я, это он сам о себе сказал: "Я умер". Одна непутная бабёнка, бросившая своего мужа, потом погибшего на СВО, сердито крикнула: "Зачем ты туда попёрся?" А он не вернулся с войны, потому что ждять его было некому. Не исполнила жена великий завет Константина Симонова: "Жди меня, и я вернусь". И этот якобы учитель, не знающий, за что Тарас Бульба убил сына, сидит в ногах у героя и, как непутная бабёнка, вопрошает: "Зачем ты туда попёрся?" Да, точно он про себя сказал — он мёртвый.

Немало таких мёртвых. Все они критикуют Путина, власть нашу, а сами всегда унылые-унылые. Даже когда изредка улыбаются, глаза остаются тусклыми. Как правило, критики эти ни разу никому не помогли построить дом во Славу Божию, то есть бескорыстно. И сад не помогли посадить в соседнем дворе. И на фронт добровольцами такие критики не уходят. Один такой ответил мне: "Бесплатно только дураки работают. Так меня дед учил". Я ему: "Значит, все добрые люди — дураки?" Он растерялся и схитрил: "Мне за державу обидно". Давно его раскусил, я чуть не сматерился... Не тебе державу вспоминать — ты павлинов разводил... Таможеник Верещагин из фильма "Белое солнце пустыни", сказавший крылатые слова: "Мне за державу обидно", — отдал за неё жизнь. Верещагину всё равно, кто правит державой: царь, белые или красные. Вернее, не всё равно, но он будет исполнять свой гражданский и человеческий долг, кто бы ни правил державой. Честно, самоотверженно. Когда он сначала отказался помогать товарищу Сухову воевать с басмачами, тот красноречиво окинул взором добротное хозяйство Верещагина с расхаживающими по двору павлинами и пригрозил: "Павлины, говоришь?..". И я теперь, когда встречаюсь с мёртвыми, не стану вступать с ними в прения, а буду, как товарищ Сухов, гвоздить: "Павлины, говоришь?.."

ПОЭМА "Ангел Новоросс" — это не реквием, не панихида. Она сродни известным письмам умирающему святителя Феофана, Затворника Вышенского. Он пишет тяжко болящему, мол, если умрёте до Пасхи, то в Царствии Небесном будете её праздновать, но это как Богу угодно; при людях же встретят вас там родные, матушка и батюшка, от нас им приветы передайте. Представляете, это святитель Феофан пишет умирающему... Вот это жизнь! Вот это победа! Он говорит человеку: ты не умрёшь, а будешь Пасху в Царствии Небесном праздновать! Поэтому, конечно, тебе лучше бы умереть до Пасхи... Но всё в руках Божьих. Когда умирала крёстная моей Мариши, жена Александра Проханова Людмила, то Мариша переслала ей эти письма святителя Феофана, Затворника Вышенского. Врач, до последнего сидевшая у постели нашей Люсеньки, потом поблагодарила: "Марина, знали бы вы, какую службу сослужили ваши письма. Мы их читали много раз и утешались". Моя жена потом рассылала письма святителя Феофана многим, собирающимся в последний путь. И они утешались.

Вот и поэма Александра Проханова, в которой все прощаются с погибшими, она не о смерти, она о жизни вечной. Писатель видит душевными очами, что погибшие наши лежат не в гробах поваленных, а в люльках, в ковчеге. Люльки эти качают наши святые, сама Богородица, сам Бог. Качают и управляют ковчегу в Царство Небесное. Иосиф Аримафейский спросил Иисуса Христа: может ли человек родиться во второй раз? В своей поэме Александр Проханов отвечает: может, если положить душу свою за други своя, за Родину, за веру православную. Поэт знает и говорит нам, что из этой люльки, из этого ковчегу Донбасского выйдет Новая Россия. Или не выйдет? Новороссия — это сегодня наш главный русский престол! На нём совершается великое, непостижимое уму человеческому Таинство, в котором все — и русские, и чеченцы, и буряты, и чукчи... все переплавляются в новороссов.

Я печалюсь, зачем наши правители так стараются оградить народ от войны? Боятся, что все станут новороссами? Надеюсь, что просто не понимают. А Александр Проханов понимает.

*Там, в Херсонесе, где земля светлей,
Ты, русский, получиш свое крещенье.
Теперь же, в Новороссии своей,
Божественное примешь воплощенье.*

Заканчивает поэт так:

*Буряты, чукчи и чеченцы,
Все были братья, новороссы,
Ковчеза дивного матросы...*

*Над ними растворялись небеса,
И Богородица им дула в паруса.
Гуди, гуди, послушное ветрило!
Сияй, сияй, победное светило!..*

*Шагали воскрешённые солдаты
Из всех земель, все были новороссы.
У них в руках светились автоматы
И пламенели озенные розы.*

Да, эти солдаты-новороссы тела врагов убивают из автоматов, а души огненными розами воскрешают. Телу — свинцовая пуля смерти; а душе — огненные розы жизни. Автомат в руках новороссов тело убивает, а душу воскрешает. Таких, как мы, новороссов, жаждущих, чтобы блудные братья украинцы ожили, чтобы и они оказались с нами в раю, таких нас победить невозможно. Именно поэтому мы бессмертны. В этом тайна русского бессмертия! Мариша дочитала поэму, вытерли мы слёзы, которые уронили в люльки-ковчегу наших воинов, и поехали домой, просветлённые не только лучезарной улыбкой русской девушки, но и живыми глаголами русского слова Александра Проханова...

Сергей ЩЕРБАКОВ

Автор иллюстрации — Геннадий ЖИВОТОВ

Печатается в сокращении, полный текст — на сайте zavtra.ru